

ISSN 2542-2332

2018 №3 (16)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашиковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

- К. М. Байпаков, доктор исторических наук, академик АН РК (Казахстан, Алма-Ата)
С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)
А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)
А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)
Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)
О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)
Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)
Е. А. Шершинева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

- Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)
Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)
Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)
Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск).
А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)
К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)
С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)
А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)
Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)
Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)
З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

*Журнал утвержден научно-техническим советом
Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ
по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.
Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть
перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.*

*Журнал подготовлен при частичной финансовой поддержке проекта Минобрнауки
РФ «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтай,
Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики:
исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6).*

© Оформление. Издательство
Алтайского госуниверситета, 2018

ISSN 2542-2332

2018 №3 (16)

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2018

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

The editorial Board:

K. M. Baypakov, doctor of historical sciences, akademik (Kazakhstan, Alma-Ata)

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabayako, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (res s. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bolgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77-69787. Registration date 18.05.2017.

The magazine was prepared with the partial financial support of the project Ministry of education and science of the Russian Federation (the project "Development of ethno-religious situation in cross-border space of Altai, Kazakhstan and Mongolia in the context of state-confessional policy: historical experience and modern trends", No. 33.2177.2017/4.6).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Руденко К. А.</i> Булгарские золотые филигранные подвески с фигурками птиц: к вопросу о происхождении.....	7
<i>Нуржанов А. А., Крупко И. В.</i> Тюркская культура как уникальная среда и продукт этнокультурных импульсов Великого шелкового пути.....	22
<i>Ямаева Л. А.</i> Переднеазиатский след в этногенезе башкир.....	30
<i>Пиков Г. Г.</i> Судьба элиты кочевой империи после крушения государства (на примере восточноазиатской империи Ляо, 907–1125)	39

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Анисимова И. В.</i> Особенности организации опекунского дела в Степном крае в конце XIX — начале XX в.....	48
<i>Лысенко Ю. А.</i> Формирование национальных подразделений Красной армии Степного края и Туркестана в период Гражданской войны (1918–1922 гг.).....	59
<i>Чотаева Ч. Д.</i> Мультикультурализм города Бишкек: этничность и язык в советский и постсоветский периоды	75
<i>Стурова М. В.</i> Русско-казахские школы в системе государственного управления образовательным пространством Степного генерал- губернаторства начала XX в.	88

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Ярков А. П.</i> Ислам в Хакасии (в контексте идеи «все тюрки — мусульмане»).....	99
<i>Байтаков К. М., Терновая Г. А.</i> Манихейский комплекс во дворце средневекового города Кулан (VIII в.)	111

Раздел IV

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Дашковский П. К., Шершнева Е. А.</i> Национальная и гражданская идентичность: рабочая программа учебной дисциплины.....	130
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	146
---------------------------------	------------

ДЛЯ АВТОРОВ	148
--------------------------	------------

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Rudenko K. A.</i> Bulgarian golden filigrane pendants with bird figures: to the question of origin	7
<i>Nurzhanov A. A., Krupko I. V.</i> Turkic culture as a unique environment and product of ethnocultural impulses of the Great silk way	22
<i>Yamaeva L. A.</i> Asianminor trace in the ethnogeny of the bashkirs.....	30
<i>Pikov G. G.</i> The fate of the nomadic elite of the empire after the collapse of the state (for example, the east asian empire Liao, 907–1125).....	39

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Anisimova I. V.</i> Organisational features of guardianship in the Steppe region in the late XIX — early XX centuries.....	48
<i>Lysenko Y. A.</i> The formation of the Red army of the Steppe krai and Turkestan national units during the civil war (1918–1922).....	59
<i>Chotaeva Ch. D.</i> Multiculturalism of Bishkek city: ethnicity and language in soviet and post-soviet times	75
<i>Sturova M. V.</i> Russian-kazakh schools in the system of state administration	88

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Yarkov A. P.</i> Islam of the Khakasia (in the context of the idea of “all turks are muslims”)	99
<i>Baipakov K. M., Ternovaya G. A.</i> Manikhean complex in the palace of the medieval town Kulan (VIII c.).....	111

Section IV

SCIENCE AND EDUCATION

<i>Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A.</i> National and civic identity: the working program of the discipline	130
--	-----

INFORMATION ABOUT CONFERENCES	146
--	-----

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	148
--	-----

Volkov I. V. Ob uchrezhdeniiakh obshchestvennogo prizreniia v Turkestanskom krae: istoriko-pravovoi aspekt [About formation of a public charity in the Turkistan region: historical and legal aspect]. *Vlast'* [The Authority]. 2017. № 12. S. 137–142 (in Russian).

УДК 93/94

Ю. А. Лысенко

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ СТЕПНОГО КРАЯ И ТУРКЕСТАНА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1922 гг.)¹²

На основе источников законодательного характера и делопроизводственной документации анализируется процесс формирования национальных воинских частей Красной армии из числа коренных народов Степного края и Туркестана в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Выявлено, что на протяжении 1918 г., в условиях ликвидации советской власти на большей части территории региона, определенных успехов в данном вопросе большевикам добиться не удалось. Положительная динамика процесса наметилась в первой половине 1919 г. благодаря успехам Красной армии на Восточном и Туркестанском фронтах. Не менее важным фактором успешной мобилизации мусульманского населения в ряды Красной армии стало проведение среди него масштабной политико-пропагандистской работы Коммунистической партии Туркестана. При этом большевики пошли по пути создания воинских подразделений на этнической, а не конфессиональной основе. Данная тактика выстраивалась в общую логику процесса национально-государственного строительства в регионе и учитывала интересы этноэлит, убежденных, что наличие воинских формирований, представлявших их этнос, является символом национальной идентичности и залогом сохранения государственной и культурной независимости.

Ключевые слова: Гражданская война, Красная армия, Степной край, Туркестан, мусульманские воинские части.

¹² Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (проект № 33.2177.2017/4.6) и при поддержке РФФИ, проект 17–81–01007 «Социально-политические процессы в Степном крае и Туркестане в период Гражданской войны и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии (1918–1922 гг.)».

Y. A. Lysenko

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE FORMATION OF THE RED ARMY OF THE STEPPE KRAI AND TURKESTAN NATIONAL UNITS DURING THE CIVIL WAR (1918–1922)

On the basis of legislative sources and records management, the article analyzes the process of formation of the national military units of the Red Army among the indigenous peoples of the Steppe Krai and Turkestan during the Civil War of 1918–1922. It was revealed that during the period of the liquidation of the Soviet regime in most of the region's territory in 1918, the Bolsheviks didn't achieve certain successes in this matter. The positive dynamics of the process appeared in the first half of 1919, because of success of the Red Army on the Eastern and Turkestan fronts. The large-scale political and propaganda work of the Communist Party of Turkestan among the Muslim population was no less important factor in the successful mobilization of the Muslim population in the ranks of the Red Army. At the same time, the Bolsheviks followed the path of creating military units on an ethnic, rather than confessional basis. This tactic was built in the general logic of the process of nation-building in the region. It consulted interests of ethnic groups convinced that the presence of military units representing their ethnic group is a symbol of national identity and a pledge of preserving state and cultural independence.

Key words: the Civil War, the Red Army, the Steppe Krai, Turkestan, Muslim military units

DOI: 10.14258/nreur (2018) 3–06

Лысенко Юлия Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). Адрес для контактов: iulia_199674@mail.ru

Как известно, практика формирования национальных воинских частей стала применяться в России на рубеже XIX–XX вв. Данная тенденция была связана с общественно-политической ситуацией в стране, ярко демонстрировавшей кризис имперской национальной политики и усиление процессов этнической мобилизации народов России¹³. После февральских событий 1917 г. Временное правительство поддержало дальнейшую национализацию воинских подразделений российской армии несмотря на открытое противодействие данному процессу со стороны Ставки и Вер-

¹³ Примером может служить Кавказский туземный конный корпус, сформированный в годы Первой мировой войны и являвшийся активным участником боевых действий на Юго-Западном фронте. Накануне октябрьских событий 1917 г. корпус состоял из 24 сотен. Первая дивизия состояла из двух конных полков — Кабардинского и Черкесского (Первая бригада), Татарского и Чеченского (Вторая бригада); Вторая дивизия — из конных полков Первого и Второго Дагестанских (Первая бригада), Ингушского, Первого и Второго Осетинских (Вторая бригада) [Исхаков, 2004: 322–326].

ховного главнокомандующего Н. Н. Духонина. Последний был убежден, что реформирование российской армии по национально-конфессиональному принципу приведет к сепаратизму отдельных народов и ослаблению мощи армии в целом. Однако непродолжительная дискуссия по этому вопросу завершилась победой позиции Временного правительства во главе с А. И. Керенским, и создание солдатских комитетов по этническому признаку было продолжено как в тылу, так и на фронте. Выступая на втором заседании Временного совета Российской Республики 10 октября 1917 г., военный министр А. И. Верховский создание национальных воинских подразделений — украинских, эстонских, грузинских, татарских — назвал свершившимся фактом [Вестник Временного правительства, 1917: 34].

Военнослужащие-мусульмане не оставались в стороне от процессов создания воинских подразделений по религиозно-этническому принципу. Сформированный по итогам I Всероссийского мусульманского съезда в Казани (17–25 июля 1917 г.) Всероссийский мусульманский военный шура (совет) был узаконен специальным распоряжением правительства А. Керенского и получил возможность иметь своих комиссаров при Политическом управлении Военного министерства, Главном управлении генерального штаба, штабе Главного верховного командующего, при штабах фронтов, армий, при штабах мусульманских дивизий и военных округов [Исхаков, 2004: 333, 335]. По данным Т. Н. Шевякова, активная мусульманизация в российской армии началась в конце сентября 1917 г. По ее итогам мусульманские части составили примерно 16% от всех национализированных пехотных и стрелковых дивизий и 20% — от кавалерийских частей [Шевяков, 1998: 37].

Исследователи подчеркивают, что к образованию моноэтничных по составу мусульманских воинских подразделений российской армии стремились главным образом татары и башкиры, что свидетельствовало о более высокой степени их этнической интегрированности. Но в целом преобладали тенденции создания мусульманских частей не на этнических, а на конфессиональных началах. В мусульманских полках часто были сосредоточены представители различных национальностей, и их объединение на основе общей религии подчеркивалось военным руководством страны как важный шаг на пути создания «крепких духом и дисциплиной воинских частей» [Исхаков, 2004: 338].

Туркестан не остался в стороне от общероссийского движения мусульман, связанного с формированием мусульманских воинских подразделений. 18 октября 1917 г. в Ташкенте прошел Туркестанский краевой съезд воинов-мусульман в составе 25 делегатов, по итогам которого был принят ряд важных решений. В частности, признавалась необходимость создания мусульманских рот в составе Туркестанского военного округа; назначение в них мулл с уравниванием их в правах с полковыми священниками; оборудование в каждом гарнизоне помещения для мечети и т. д. Огромную работу по созданию первой мусульманской роты в Ташкенте провел в последних числах октября — начале ноября 1917 г. Коровиченко. Однако созданный им мусульманский батальон был укомплектован главным образом татарами и башкирами из разных воинских частей Туркестанского военного округа.

Коренные народы Степного края и Туркестана были освобождены от воинской повинности еще в период военной реформы 1874 г. Многолетняя дискуссия имперских военных и гражданских чиновников по вопросу о целесообразности распростране-

ния на них закона о всеобщей обязанности так и не завершилась к началу Первой мировой войны [Лысенко, 2012: 186–194]. Таким образом, ни на действующих фронтах, ни в самом Степном крае и Туркестане до октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны не было сформировано ни одного мусульманского подразделения на местной этнической основе.

Большевистское руководство в первые месяцы советской власти поддержало курс на формирование национальных частей, в том числе мусульманских. 15 ноября 1917 г. И. Сталин подписал Постановление Народного комиссариата по делам национальностей, по которому допускалась «свободная группировка воинов по национальному признаку в пределах той или иной военной единицы» [Исхаков, 2004: 431]. Однако процесс создания мусульманских частей осуществлялся стихийно, крайне низкими темпами. С. Исхаков считает, что причинами тому стали татаро-башкирские противоречия, кадровая проблема и отказ мусульман-офицеров бывшей царской армии принимать в данном процессе участие, различная политическая ориентация военнослужащих-мусульман, усугублявшая раскол между ними. В условиях политического хаоса первых месяцев советской власти Всероссийское мусульманское военное шуро попыталось сконцентрировать в своих руках верховное управление всеми созданными мусульманскими войсковыми частями. Его члены заявили о своей поддержке социалистической власти на федеративных началах, готовности воплощать в жизнь все постановления новой власти [Исхаков, 2004: 439].

Большевики оценили собственное позиционирование шуро на роль лидера процесса строительства мусульманских вооруженных как угрозу утраты политического влияния на многомиллионное мусульманское население страны. Поэтому 17 января 1918 г. при Наркомате по делам национальностей был создан альтернативный ему Центральный комиссариат по делам мусульман внутренней России, который возглавил М. Вахитов. Деятельность Всероссийского мусульманского военного шуро была признана контрреволюционной, эта структура была распущена.

Одной из центральных задач Центрального комиссариата по делам мусульман внутренней России стало формирование мусульманских воинских подразделений в составе Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА). Для этого в структуре Комиссариата был создан Военный отдел, приступивший к разработке принципов комплектования и функционирования мусульманских частей [РГВА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 148. Л. 34]. Его роль значительно возросла после начавшейся Гражданской войны и подписания 2 мая 1918 г. И. Сталиным Постановления Наркомнаца о создании Мусульманской Рабоче-Крестьянской армии, воинские подразделения которой планировалось интегрировать в РККА и использовать в военных операциях¹⁴.

¹⁴ Однако, как подчеркивает С. Исхаков, «какого-либо наплыва добровольцев в подобные формирования... не произошло». Массовый отказ вступать в ряды Красной армии объяснялся сложной внутривнутриполитической ситуацией в стране, произволом со стороны региональных административных органов, препятствовавших процессам самоопределения народов России и дискредитировавших, таким образом, советскую и большевистскую власть. Всего с января по август 1918 г. в стране были сформированы: Первый Мусульманский советский пехотный полк (Казань), Мусульманский советский полк (Уфа), Первый и Второй Татаро-башкирские батальоны (Москва), Мусульманский красноармейский отряд (Астрахань) и несколько красноармейских отрядов в Белебее-Мензелинске. Численность этих соединений не превышала 10 тыс. человек.

В связи с Постановлением Наркомнаца о создании Мусульманской Рабоче-Крестьянской армии от 2 мая 1918 г. начался процесс формирования воинских формирований из числа коренного населения Степного края и Туркестана. При этом важно подчеркнуть, что Центральный комиссариат по делам мусульман внутренней России не распространял свои компетенции на центральноазиатский регион страны. 12 мая 1918 г. было издано постановление СНК РСФСР о создании Киргизского (Казахского) отдела при Наркомнаце. В его компетенцию передавались широкие полномочия, связанные с решением социально-экономических, административных, культурно-просветительских, этнических и межэтнических проблем.

Мобилизация в Красную армию казахского населения была возложена на Военный подотдел Киргизского (казахского) отдела при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. Кроме выполнения основной функции — формирования воинских частей, комиссариат координировал работу местных советов, занимался вопросами налоговой политики, продовольственного снабжения населения, подготовкой к созыву съезда Советов и организацией краевого органа управления. 9 ноября 1918 г. председатель отдела информировал центральные органы о том, что отделом начата широкая агитация среди казахов «для сплочения их в борьбе за Советскую власть». Однако охватить пропагандой удалось только казахов, проживающих в Букеевской степи (междуречье Урала и Волги. — Ю. Л.) и в районе Астрахани [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане (а), 1963: 154]. В Туркестане первые шаги по военной мобилизации коренного населения были предприняты в конце июня 1918 г., когда народным комиссаром по военным делам Туркестанской АССР был издан приказ о создании Первого Ташкентского мусульманского батальона [Иностранная военная интервенция Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 48]. В целом, как отмечали региональные партийные органы, процесс мобилизации мусульманского населения Степного края и Туркестана осуществлялся крайне медленными темпами.

Как представляется, причин данной ситуации было несколько. Во-первых, к лету 1918 г. советская власть была ликвидирована на большей территории Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областей. Боевые действия на Восточном, Семиреченском и Закаспийском фронтах осенью 1918 г. привели к тому, что территории Степного края и Туркестанской АССР оказались отрезанными от европейской части страны и политического центра большевиков — Петрограда. По сути регион оказался в «белогвардейской блокаде» и был лишен «помощи самыми нужными техническими и промышленными материалами и получения подкрепления финансовыми средствами». «Асхабадская пробка» и одновременное с ней падение советского Баку лишили Туркестан возможности получения нефти, что стало причиной сокращения движения на всем протяжении Оренбургско-Ташкентской железной дороги.

Во-вторых, причиной низкой степени участия коренного населения в процессе строительства мусульманских частей Красной армии стала крайне непопулярная среди него власть большевиков. Как известно, развитие этнополитической ситуации в центральноазиатских окраинах России на рубеже 1917–1918 гг. привело к созданию в регионе национально-территориальной автономии Алаш и Кокандской автономии, выступивших альтернативами советской власти. Большевики в условиях угрозы распада

государства, отказались признавать законность их образования. Это привело к военному разгрому частями Красной армии Кокандской автономии в феврале 1918 г. и провозглашению в апреле этого же года Туркестанской автономной республики на советских социалистических началах. В соответствии с Положением о Туркестанской Советской Республике, она создавалась как государственное образование, в основу которого легли исключительно классовые принципы, властные функции на всех уровнях системы управления принадлежали Советам. Это исключало возможность интерпретации ее политического устройства как национально-территориальной автономии, что в совокупности с фактическим отстранением от власти советов мусульманских и дехканских депутатов делало крайне непопулярной власть большевиков среди коренного мусульманского населения.

Казахские националы и правительство Алаш перешли на сторону Белого движения, развивая активное взаимодействие с вооруженными силами армий Колчака и Деникина. Казахское население, сочувственно относившееся к лидерам национально-го движения Алаш, принимало активное участие в создании алашских вооруженных формирований.

В-третьих, причинами недоверия коренного населения Степного края и Туркестана к советской власти и большевикам, его пассивное участие в мобилизации в Красную армию объяснялось так называемым армянским вопросом. Не имея в начале 1918 г. достаточных сил, большевистское руководство привлекло для разгрома Кокандской автономии членов регионального отделения армянской партии «Дашнакцутюн», вооружив их и создав из них боевые подразделения Красной армии [Акбоева, 2015: 57–73]. Разгром Кокандской автономии сопровождался массовыми убийствами коренного мусульманского населения, зверствами, грабежом и насилием со стороны армян. Военное сотрудничество большевиков с «Дашнакцутюн» продолжалось вплоть до весны 1919 г. С 1918 г. до середины 1919 г. революционная диктатура и Советы в Андижане фактически находились под контролем дашнаков. Используя властный ресурс в условиях экономического кризиса и угрозы голода в Русском Туркестане, красноармейские отряды, сформированные из армян, под предлогом борьбы с басмачами осуществляли налеты на кишлаки мусульманского населения и города края с целью реквизиции или грабежа [Буттино, 2007: 281].

В сложившейся ситуации региональные большевистские органы власти в течение всего 1918 г. исключали возможность проведения массовой мобилизации с привлечением в ряды Красной армии коренного мусульманского населения. В резолюции VI Чрезвычайного съезда Советов Туркестанской Республики, состоявшегося 6 октября 1918 г., признавалась «невозможность объявления мобилизации» среди мусульманского населения, единственное, что предлагалось, — «усиление агитации в широких массах мусульманского пролетариата в пользу выступления на защиту Социалистической Родины» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 75–78].

Ситуация стала меняться только к началу 1919 г., после нескольких успешных боевых операций Красной армии на Восточном фронте. 10 июля 1919 г. создан Казахский революционный комитет (Казревком), который осуществлял высшую военную и гражданскую власть на территории Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатин-

ской областей. Главой Казревкома был назначен С. Пестковский, в его состав вошли А. Джангильдин, А. Байтурсынов, С. Мендышев и др. Место нахождения Казревкома — город Оренбург. С организацией ревкома упразднялся Киргизский отдел при Наркомнаце. При Казревкоме были образованы отделы и подотделы по отраслям управления. Согласно ст. 6. Декрета СНК РСФСР «О Революционном Комитете по управлению Киргизским краем» вопросы мобилизации в ряды Красной армии, в том числе казахского населения, были переданы в компетенцию Киргизского военного комиссариата [Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР, 1943: 533–536]. В низовых административно-территориальных единицах края создавались областные и уездные военные комиссариаты.

При активном участии Киргизского военного комиссариата к лету 1919 г. завершилось формирование Первого Киргизского образцового кавалерийского полка из казахов Букеевской степи. В докладе начальника штаба Калмыцкой отдельной дивизии, направленного для установления связи с казахскими воинскими подразделениями Букеевского региона в начале лета 1919 г., сообщалось, что «1 Киргизский образцовый кавалерийский полк вполне сформирован, обучен, дисциплинирован, обмундирован» и составляет 1700 чел. Командный состав полка представляли специалисты-кавалеристы, бывшие офицеры, вахмистры, младшие и старшие унтер-офицеры старой армии.

Казахи-красноармейцы были вооружены линейными кавалерийскими винтовками русского образца и шашками. В распоряжении полка имелись: коннопулеметная команда в составе 10-ти пулеметов, батарея в составе 5-ти трехдюймовых орудий с полным комплектом зарядных ящиков, патронные, пулеметные и хозяйственные двуколки, конно-верблюжий транспорт, десятки тысяч снарядов и миллионы патронов. У полка имелись две швальни, оружейная, швейная, кузнечная мастерские, шорно-седельная, «полное штатное количество телефонного имущества и мотоциклетный взвод в составе 16 мотоциклов, 12 походных кухонь кавалерийского образца и несколько походных кипятильников» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 223–225]. Успех формирования Первого Киргизского образцового кавалерийского полка объяснялся не только интенсивной пропагандистской работой политотделов Красной армии, но и тем фактом, что Кирвоенкомат, формирующей частью, «получал непосредственно все необходимое из Центра».

3 июня 1919 г. приказом Киргизского (Казахского) комиссариата по военным делам Первому Киргизскому образцовому кавалерийскому полку было торжественно вручено Красное знамя Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Как сообщала газета «Дурыстык жолы», «вручение совпало со временем проведения III областного съезда в г. Орде, из-за которого праздник стал более торжественным и многолюдным, так как на нем присутствовало все население Внутреннего Урала. Казахские джигиты, стоящие в строю, в одинаково сшитой форме защитного цвета, вооруженные винтовками и саблями, придавали площади свою особую красоту. После окончания выступлений некоторых ораторов, полковое знамя было вручено командиру полка Янбулатову. Стоящие в ряду джигиты подняли руки и в один голос дали клятву сохранить врученное им знамя до последней капли крови и служить неустанно за дело защиты интересов трудящихся до победного конца. После этого состоялся военный парад. В 4 часа был дан бал представителям разных организаций, приглашенным гостям

и командующему составу — всего в количестве 500 человек. В тот же день до вечера состоялись интересные виды разных игр: байга, борьба и другие» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 219–221].

24 июля 1919 г. командующий Восточным фронтом М. Фрунзе подписал приказ, согласно которому формировалась Астраханская (Южная) группа Восточного фронта. В ее состав интегрировались все войска района, в том числе казахские конные соединения Букеевской степи. Вместе с Киргизской конной бригадой IV армии, сформированной в Саратове, они объединялись в Киргизскую конную дивизию [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 258].

Успехи Красной армии на Восточном фронте инициировали процесс создания казахских вооруженных подразделений в Тургайской области. К 1 февраля 1919 г. под руководством военного комиссара Тургайского уезда А. Иманова был сформирован Первый Тургайский революционный полк в составе 175 бойцов, который как отдельная боевая единица вошел в состав 3-й бригады Оренбургской дивизии. В течение 1919 г. в Тургайском уезде предполагалось сформировать два эскадрона конницы, учебную команду, пулеметную команду и батарею артиллерии [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 287–290]. Однако эти планы реализовать А. Иманову не удалось. Начавшееся в апреле 1919 г. наступление войск Колчака на Восточном фронте активизировало боевые подразделения организации «Алаш-орда». Они подняли в Тургае мятеж и арестовали, а позже расстреляли А. Иманова и 18 его сподвижников из числа казахского населения, поддерживавших большевиков.

Весной 1919 г., после освобождения Оренбурга и Уральска от белогвардейских формирований, удалось ускорить процесс формирования казахских воинских соединений в Уральской области. В конце февраля 1919 г. в Уральске состоялся областной съезд Советов, на котором было принято решение о создании при областном ревкоме Особого отдела по киргизским делам. Возглавившему отдел Б. Каратаеву поручалось проведение массовой политико-пропагандистской работы среди казахского населения и мобилизации в отряды Красной армии [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 196–197]. Уже в марте 1919 г. газета «Яицкая правда» сообщала, что в Уральск для вступления в Красную армию прибыло 300 киргизов-добровольцев [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 195].

Весной 1919 г. председатель Реввоенсовета Южной группы Восточного фронта М. Фрунзе выдал мандат А. Джангильдину, позволяющий ему осуществлять общее руководство «над скорейшим формированием воинских киргизских частей в областях Уральской, Тургайской и Закаспийской, а также Букеевской орды». За период с сентября 1919 г. по январь 1920 г. А. Джангильдину удалось создать кавалерийские отряды численностью до 700 человек всадников [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 299].

Осенью 1919 г. процесс формирования казахских боевых подразделений значительно ускорился. В октябре 1919 г. началось формирование пяти отдельных казахских эскадронов, местом дислокации которых назначался Киргизский военный комиссариат Оренбурга [Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 59. Оп. 2. Д. 19. Л. 8]. Во второй половине 1919 г. в Омске из молодежи Акмолинской и Семипа-

латинской губерний был сформирован 1-й Сибирский киргизский (казахский) добровольческий кавалерийский полк. Этот полк в 1920 г. был переброшен в Бийск Алтайской губернии, где находился до 1922 г.

В течение всего 1919 г. большевики предпринимали огромные усилия, направленные на повышение своего авторитета и влияния в Туркестане. ЦК РКП (б) обратился ко всем партийным ячейкам Коммунистической партии Туркестана с призывом «завоевать доверие трудящихся угнетенных наций» региона. Для этого предлагался комплекс мероприятий социально-экономической и культурно-просветительской направленности: устранение «всех остатков национального неравенства в области распределения продовольствия, обслуживания культурных и хозяйственных нужд», «обеспечение земель безземельных дехкан» и возвращение «киргизской бедноте захваченной у ней земли», «уравнение их с русскими крестьянами-переселенцами», распространение «школьной сети среди туземного населения», развитие «школы на родном языке», «поднятие культурного уровня всеми силами и всеми средствами». Только такая широкая программа преобразований могла обеспечить, по мнению руководства страны, успех большевизации, советизации и строительства «Красной Армии из туземной бедноты» в Туркестане [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 459–461]. Для реализации поставленных задач по решению II Конференции Коммунистической партии Туркестана 30 марта 1919 г. при крайкоме было учреждено Бюро мусульманской организации. Было объявлено, что «... мусульманское Бюро (Мусбюро) является высшим государственным, активным органом мусульманских организаций РКП в крае со всеми правами Центрального органа партии» под председательством Т. Рыскулова.

Следует отметить, что Мусбюро ценой невероятных усилий удалось решить и вопрос об участии армянских вооруженных формирований в составе Красной армии. Впервые проблема была обозначена на VII Чрезвычайном съезде Советов Туркестана в марте 1919 г. мусульманскими делегатами, которые предложили резолюцию с предложением «обезоружить и расформировать отряд Дашнакцутюн и очистить Красную гвардию от преступного элемента». Резолюция не была принята, но позиция мусульман-коммунистов Туркестана была четко сформулирована, и уже в 26 мая 1919 г. комиссия ТуркЦИКа приказала армянской общине Ферганы сдать оружие, а частям Красной армии в крае — вывести из своих рядов армянских бойцов. Через несколько дней было объявлено, что в Андижане, Коканде и Скобелеве, где в основном концентрировались армянские боевые дружины дашнаков, их разоружение завершено. Следующим ударом по Дашнакцутюн был роспуск его филиалов в Туркестане под натиском мусульманских коммунистов, которых поддержали как русские коммунисты Туркестана, так и Москва. Необходимо отметить, что председатель Мусбюро Т. Рыскулов для деморализации и запугивания Дашнакцутюн использовал факт начавшихся переговоров с одним из лидеров басмаческого движения Мадамин-беком, результатом которых стал переход последнего на сторону советской власти. Все эти события объективно благоприятствовали процессу формирования отрядов Красной армии из числа коренного мусульманского населения региона.

Огромную пропагандистскую работу в данном направлении проводил Реввоенсовет Туркестанского фронта. Фактически ежемесячно он издавал приказы об усилении

идеологической и боевой работы в армии. Например, объявленной Реввоенсоветом Туркеспублики с начала лета 1920 г. мобилизации мусульманского населения края в ряды Красной армии предшествовал приказ председателя Реввоенсовета Туркестанского фронта М. Фрунзе, в рамках которого ежедневно во всех печатных изданиях региона публиковались соответственные объявления и статьи на русском и языках мусульманских народов, издавались специальные плакаты и листовки, организовывались «митинги с широким привлечением всех наличных агитационных сил и средств», устраивались парады войск «преимущественно в районах, туземных частей городов с привлечением на парады всех призванных в порядке набора мусульман» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 443].

По решению VII Чрезвычайного съезда советов Туркестана (7–31 марта 1919 г.) и II Конференции Коммунистической партии Туркестана (19–31 марта 1919 г.) при Политотделе Реввоенсовета Туркестанской республики была создана Мусульманская секция (подотдел), основной задачей которой стало проведение политико-пропагандистской работы среди коренного населения региона. Под ее руководством в областях и уездах республики организовывались «недели красноармейца-мусульманина», в ходе которых проводился сбор подарков для «красных борцов-мусульман». Подарки принимались вещами, деньгами, продуктами и т. п. [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 271].

Важным направлением деятельности муссекции стала организация лекционной работы среди мусульманского населения с целью «более широкого ознакомления мусульманского населения с рабочим движением, экономическими и другими вопросами». В г. Верном, например, лекции проводились один раз в неделю на протяжении фактически всего 1919 г. и были посвящены следующим вопросам: «Сущности Советской власти (лектор А. Дербисалин), строительству Советской власти (лектор А. Розыбакиев), роли Коммунистической партии в пролетарской революции (лектор Х. Сулейманов), анализу задач Красной Армии, принципов ее строительства (Д. Барыбаев), о причинах Октябрьской революции (Беккинин)». Программа лекций и их расписание публиковались в местных печатных изданиях на русском и татарском языках [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 271–272].

Муссекцией также была проведена огромная организационная работа по запуску агитпоезда. В отчете комиссара агитпоезда «Красный Туркестан» отмечалось, что за период с января по апрель 1920 г. его составу удалось устроить 50 митингов (из них 12 мусульманских, три женских), прочитать три лекции, поставить 26 спектаклей (4 мусульманских), организовать 7 выступлений на съездах и конференциях, провести 19 кинематографических сеансов. Комиссаром поезда было произнесено свыше 100 политических речей [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 447].

В апреле-мае 1919 г. мусульманской секции удалось сформировать театрально-клубную и литературно-издательскую секции. Для театрально-клубной секции была оборудована «походная сцена», устраивались спектакли и концерты на «татарском языке». Редакционная коллегия осуществляла работу по изданию газеты для мусульман, выпуску и распространению листов на татарском языке [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1963: 126–128].

Следует подчеркнуть, что при мобилизации в Красную армию лиц из числа коренного населения Киргизской (Казахской) и Туркестанской республик большевики пошли по пути формирования воинских соединений на этнической, а не на конфессиональной основе. Данная тактика встраивалась в общую логику процесса национально-государственного строительства в регионе, реализуемого центральным большевистским руководством. Сохранение в системе национальных советских автономий самого пространства и названия «Туркестан», а вместе с ним и понятия «мусульмане Туркестана», создавало почву для воспроизводства местного варианта пантюркизма и идеи «Большого Туркестана», что было крайне нежелательно для большевиков.

Вообще, идея создания республики тюркских народов России имела сторонников во всех национальных отделениях РКП(б) тюрко-мусульманских регионов, являлась составляющей распространенных среди тюркоязычных коммунистов представлений о приоритете задач национальной революции над социалистической. Эта ситуация не могла не беспокоить руководство РКП(б), особенно при росте басмаческого движения под пантюркистскими лозунгами. С осени 1920 г. основным центром басмаческого движения становится Бухара. Во главе движения стояли видные сторонники пантюркистского проекта — бывший глава ревкома Башкирии А. З. Валидов и военный министр бывшего младотурецкого правительства Энвер-паша. Пришедшие к власти в Бухарской Народной Советской Республике младобухарцы в своей политике стали демонстрировать тюркские ориентации: произошел перевод делопроизводства с фарси (таджикского) на тюркский язык, всячески поощрялось изучение этого языка. В Бухаре стал формироваться новый центр лоббирования идей пантюркизма [Абашин, 2007: 184–185].

В противовес коммунистическому пантюркизму в 1920 г. возник план раздела Турк-республики на три национальные части, в интерпретации Ленина «на Узбекию, Киргизию и Туркмению». Размежевание Туркестанской АССР, Бухары и Хивы по этническому принципу рассматривалось руководством большевистской партии как способ ослабить пантюркистские настроения, расколоть местную элиту по этническому принципу, тем более, что для этого были определенные объективные основания. Формирование вооруженных формирований Красной армии на этнической основе, таким образом, рассматривалось как еще один барьер на пути тюрко-мусульманской интеграции народов Туркестана [Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Бармин В. А., Тарасова Е. В., Бочкарева И. Б., 2017: 299–301].

Подтверждением данного тезиса являются данные о формировании Красной армии из числа коренного населения в течение 1919–1920 гг., осуществлявшемся исключительно на этнической основе. Весной 1919–1920 гг. Киргизским военкоматом только на территории трех областей — Букеевской, Уральской, Тургайской — было сформировано 37 воинских частей и подразделений из казахского населения, в том числе четыре кавалерийских и два стрелковых полка, девять отдельных эскадронов, два пехотных батальона и др. 18 ноября 1919 г. Реввоенсовет Семиреченского фронта с целью «объединения бойцов красных киргиз в одну отдельную часть» издал приказ сформировать 3-й Красный кавалерийский восточный полк. Местом его дислокации назначался г. Капал [Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 180. Оп. 1. Д. 1. Л. 222]. 5 февраля 1920 г. приказом Реввоенсовета Туркестанского фронта была

укомплектована Отдельная казахская конная бригада из казахов Семиреченской области. Центр формирования — г. Верный [Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 109. Оп. 1. Д. 15. Л. 55]. Данная бригада в составе двух полков была включена в 1-ю Туркестанскую кавалерийскую дивизию и стала именоваться 2-й Киргизской бригадой 1-й Туркестанской кавалерийской дивизии. 3 июля 1919 г. началось формирование мусульманской добровольческой роты в Ферганской области из числа узбеков. В течение 1919 г. шел процесс создания Каракыргызского особого конного отряда¹⁵. 24 сентября 1920 г. приказом Семиреченского областного комиссариата был сформирован Отдельный туркестанский дунганский кавалерийский полк под руководством Масанчи [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 296], в начале 1921 г. — Отдельный уйгурский кавалерийский дивизион, военным комиссаром которого был назначен А. Розыбакиев.

Определенные успехи большевиков по созданию мусульманских воинских подразделений позволили командующему войсками Туркестанского фронта М. В. Фрунзе приказом от 11 мая 1920 г. впервые объявить призыв в Красную армию «трудящихся местного национального населения в возрасте от 19 до 35 лет». Законодательно вопрос о привлечении на военную службу представителей народов, ранее не служивших в армии, впервые был решен постановлением Совета Труда и Оборона «О призыве в ряды Красной Армии граждан нерусской национальности Сибири, Туркестана и других окраин», подписанным В. И. Лениным 10 мая 1920 г. В первом пункте постановления указывалось, что граждане нерусских национальностей «подлежат призыву в ряды Красной Армии на одинаковых основаниях с остальными гражданами РСФСР» [Безугольный, 2013: 103].

Мобилизация мусульманского населения в Ташкенте должна была начаться с 25 июня 1920 г., в областях края — с 10 июля 1920 г. В Семиреченской области и Бухарской республике, в связи со сложной военной ситуацией, набор временно был отложен [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 373].

Весенний призыв 1920 г. прошел успешно, дав пополнение по всему Туркестану около 25 тыс. чел. В региональных периодических изданиях сообщалось, что объявленная среди мусульманского населения Туркестанской республики мобилизация коренного населения в Красную армию проходила успешно. Так, 17 июля 1920 г. «Известия», издававшиеся в Ташкенте, отмечали: «Идут охотно. Мобилизация мусульман в Фергане проходит вполне успешно. 50% мобилизованных находятся уже на сборных пунктах в городах» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 362]. Особенно следует подчеркнуть, что мобилизацией в ряды Красной армии были охвачены дехкане — участники басмаческого движения. Так, напри-

¹⁵ Летом 1920 г. Каракыргызский особый конный отряд принимал участие в разгроме Красной армией басмаческих соединений в Алайской долине. По приказу М. В. Фрунзе дивизиону была объявлена благодарность за проявленную доблесть, в которой подчеркивалось, что «поход пришлось совершить по высокому Алайскому хребту, неоднократно проходить по крутым каменистым перевалам при тяжких климатических условиях, пробивая себе дорогу боем». Но «отряд блестяще выполнил свою задачу, разметал всю басмаческую организацию и гнал остатки ее до бухарского г. Гарма, где она и была обезоружена бухарскими властями» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 499].

мер, сформированная в Ферганской области летом 1920 г. Киргизская красная кавалерийская бригада, численностью, 400 человек, состояла в том числе из бывших участников басмаческих формирований Мадаминбека. Значительная их часть во главе с одним из полевых командиров Джаныбеком перешла на сторону советской власти и вступила в ряды Красной армии. Последний был назначен помощником командира Киргизского кавалерийского красного полка [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 371].

Однако необходимо отметить, что усилия Мусбюро, Кирвоенкомата и других партийных структур, ответственных за формирование национальных воинских подразделений Туркестанской и Киргизской республик, столкнулись с целым спектром проблем. Главной из них являлся языковой барьер и незнание большинством вступивших в ряды Красной армии мусульман русского языка. В связи с этим, например, на одном из заседаний VIII съезда Советов Туркеспублики, состоявшемся в сентябре 1919 г., начальник эшелона, доставившего в Ташкент 428 мобилизованных коммунистов из Бишкека, сообщал: «Этих коммунистов-мусульман со дня их прибытия обучают военному делу русские товарищи, от которых они абсолютно ничего не понимают и понять не могут, так что находятся совершенно в критическом положении, и воспитать военному делу [их] не представляется возможным. Эти коммунисты-мусульмане чуть не каждый день обращаются ко мне, как бывшему начальнику эшелона, и в настоящее время — представителю этой партии, с просьбой о том, чтобы учителя эти [были] мусульмане, дабы обучали их на родном языке, в крайнем случае дали учителей, владеющих туземным языком, которые могли [бы] дать хотя бы наглядное понятие. В противном случае они остаются теми же, какими они были раньше, ничего и понимать не будут... — всячески заявляют, что раз мобилизовали, взяли на военную службу, то дать им требуемые знания войны» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 257].

Аналогичная ситуация имела место и в КазАССР. На собраниях жителей большинства аулов КиргАССР, проходящих весной-летом 1920 г., выражалась готовность направлять призывников и допризывников служить в ряды Красной армии. Однако на многих из них принимались ходатайства, в которых население просило назначать для мобилизуемых «офицеров и учителей из киргизского населения, потому что наши киргизы совершенно народ дикий и не обладающий русским языком», и формировать из них исключительно конные части, «так как наше киргизское население не может действовать пешком, каждый из нас с малолетства привычный [ездить] верхом. А также обмундирование и обувь должна быть вся казенная за неимением своего из-за нехватки товаров разного рода» [Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 1346. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14].

Не менее важной являлась проблема недостаточного финансирования как процесса мобилизации, так и созданных воинских подразделений. Так, в отчете командарму Туркестанского фронта М. Фрунзе А. Джангильдин подчеркивал, что в ходе мобилизации казахов Тургайской области ему пришлось столкнуться с недостаточным финансированием, отсутствием обмундирования, оружия. «Пришлось поневоле многим отказать, — отмечал А. Джангильдин, обещая довести изложенное до сведения вышестоящего командования. — Сформированные части на своих лошадях, со сво-

им обмундированием, в простой киргизской одежде и на собственном содержании до сего времени, вооружены они тем, что досталось главным образом от белых, и разнокалиберным оружием, до бердан включительно» [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 211]. Не менее серьезной являлась проблема кадров командного состава для национальных формирований. В полках была развернута подготовка младших командиров. В экстренном порядке в регионе открывались многочисленные военные курсы в различных городах КиргАССР и ТуркАССР. Велась пропаганда военных знаний среди населения путем создания различных школ, клубов и обществ, развития военно-технических видов спорта. В результате огромной работы к концу 1920 г. в регионе успешно работали пехотные, артиллерийские, кавалерийские, военно-топографические и другие курсы, на которых готовились командные и политические кадры для национальных частей Красной армии.

С целью решения кадровой проблемы специальным декретом ТуркЦИК и Реввоенсовета Туркестанского фронта с мая 1920 г. в Туркестанской АССР вводилось обязательное военное обучение трудящихся. В условиях продолжающейся Гражданской войны оно должно было носить «классовый характер и распространяться исключительно на трудящихся», когда ко всеобучу привлекались все без исключения члены коммунистической партии и рабочие, занятые на фабриках, заводах и мастерских; как русское, так и мусульманское население. Для детей школьного возраста от 8 до 16 лет вводилась начальная военная подготовка, проводимая Комиссариатом просвещения Туркестанской республики при содействии всеобуча, для юношества в возрасте от 16 до 18 лет — допризывная подготовка. Для прохождения военного обучения старших возрастов рабочего населения, от 18 до 40 лет, создавались территориальные части всеобуча [Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане, 1964: 442–443].

Следует отметить, что после окончания Гражданской войны в СССР был продолжен курс на создание в структуре вооруженных сил Красной армии национальных подразделений на «добровольных и равноправных началах». Данный принцип был закреплен в решениях XII съезд РКП (б), проходившего 17–25 апреля 1923 г. Основным идеологом программы национального строительства в РККА в середине 1920-х гг. был М. В. Фрунзе (в январе–октябре 1925 г. — председатель РВС СССР и нарком по военным и морским делам), который считал, что многочисленные нерусские контингенты являются «источником дополнительной мощи» для Красной армии [Безугольный, 2013: 107]. В то же время принятый 18 сентября 1925 г. Закон «Об обязательной военной службе» граждан Советского государства не предполагал массового призыва в национальных республиках и областях. В ст. 16 Закона предусматривался особый порядок прохождения обязательной военной службы по согласованию с национальными ЦИК для ряда народов, перечень которых не являлся постоянным. По данным А. Ю. Безугольного, мобилизационная нагрузка на население национальных регионов в первой половине 1920-х гг. была невелика и не превышала 0,1–0,2% от общей численности населения. Совокупная численность жителей республик СССР, в которых были сформированы национальные части (за исключением Украины и Белоруссии), оценивалась в 25 851 тыс. чел [Безугольный, 2013: 107]. Таким образом, до конца 1920-х гг. значительная часть на-

родов СССР, в том числе Казахской ССР и советских республик Средней Азии, оставалась неохваченной всеобщим обязательным призывом.

Подводя итоги, отметим, что начавшаяся весной 1918 г. Гражданская война в России и угроза распада страны потребовали от большевистского руководства принятия экстренных мер, направленных на привлечение в ряды формирующейся Красной армии представителей национальных меньшинств. В Степном крае и Туркестане в условиях недоверия коренного населения к советской власти и ее ликвидации на большей части территории региона успехов в данном вопросе большевикам в первые месяцы войны добиться не удалось. Положительная динамика процесса наметилась в начале 1919 г. благодаря успехам Красной армии на Восточном и Туркестанском фронтах. Начавшееся сотрудничество этноэлит центральноазиатского региона и лидеров басмаческого движения с советской властью способствовало росту доверия к ней со стороны коренного населения. Не менее важным фактором успешной мобилизации мусульманского населения Центральноазиатского региона в ряды Красной армии стало проведение среди него масштабной политико-пропагандистской работы Мусульманским бюро Коммунистической партии Туркестана, Реввоенсоветом Туркестанского фронта и Казахским революционным комитетом (Казревкомом). При этом большевики пошли по пути создания воинских подразделений на этнической, а не конфессиональной основе. Данная тактика выстраивалась в общую логику процесса национально-государственного строительства в регионе, предполагавшего пресечение попыток интеграции коренных народов на основе представлений об их едином родстве — тюркизме. Формирование боевых единиц на этнической основе, по мнению большевиков, являлось залогом роста национальной идентичности и вписывалось в предстоящее национально-территориальное размежевание Центральной Азии в рамках лозунга о праве наций на самоопределение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абашин С. Национализмы в Средней Азии. СПб. : Алетей, 2007. 304 с.
- Акбоева З. Роль мусульманского Бюро РКП(б) в деле защиты интересов местного населения Туркестанского края // Karadeniz. 2015. № 27. С. 57–73.
- Безугольный А. Ю. Призывное законодательство и комплектование рабоче-крестьянской Красной армии представителями нерусских национальностей в 1920-е гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 102–109.
- Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М. : Звенья, 2007. 446 с.
- Вестник Временного правительства. 1917. 11, 17 окт.
- Иностранная военная интервенция и Гражданская война в Средней Азии и Казахстане: документы и материалы. Алма-Ата: АН КазССР, 1963. Т. I. 685 с.
- Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане: документы и материалы. Алма-Ата : Наука, 1964. Т. II. 724 с.
- Исхаков С. Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 г.). М. : Социально-политическая мысль, 2004. 634 с.
- Лысенко Ю. А. Вопрос о воинской повинности для казахского населения (70 гг. XIX — начало XX в.) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2012. № 4/2. С. 186–194.

Лысенко Ю. А., Анисимова И. В., Бармин В. А., Тарасова Е. В., Бочкарева И. Б. Этно-политические процессы в центральноазиатских окраинах России в период революций 1917 г. Барнаул : Азбука, 2017. 366 с.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. 702 с.

Шевяков Т. Н. «Национализация» русской армии в 1917 г. // Вторые петербургские военно-исторические чтения молодых ученых. СПб., 1998. Вып. 2. С. 34–41.

REFERENCES

Abashin S. *Natsionalizmy v Sredney Azii*. [Nationalism in Central Asia]. Saint-Petersburg: Aleteya. 2007. 304 s. (in Russian).

Akbiyeva Z. *Rol musulmanskogo Byuro RKP (b) v dele zaschityi interesov mestnogo naseleniya Turkestanskogo kraja*. [The role of the Muslim Bureau of the RCP(b) in protecting the interests of the local population of Turkestan region]. Karadeniz. 2015. № 27. S. 57–73 (in Russian).

Bezugolnyiy A. Yu. *Prizyvnoe zakonodatelstvo i komplektovanie raboche-krestyanskoj Krasnoy armii predstavitelnyami nerusskih natsionalnostey v 1920-e gg.* [Draft legislation and recruitment of workers “and peasants” red army representatives of non-Russian nationalities in the 1920s]. *Vestnik Kalmyitskogo instituta gumanitarnyih issledovaniy RAN*. [Bulletin of the Kalmyk Humanitarian Research Institute of the Russian Academy of Sciences]. 2013. № 3. S. 102–109 (in Russian).

Buttino M. *Revoljutsiya naoborot. Srednyaya Aziya mezhdru padeniem tsarskoj imperii i obrazovaniem SSSR*. [Revolution on the contrary. Central Asia between the fall of the tsarist Empire and the formation of the USSR]. М.: Zven'ya, 2007. 446 s. (in Russian).

Vestnik Vremennogo pravitelstva. [The Bulletin of the Provisional government]. 1917. 11, 17 october (in Russian).

Inostrannaya voennaya interventsija i Grazhdanskaya vojna v Sredney Azii i Kazahstane. Dokumenty i materialy [Foreign military intervention and Civil war in Central Asia and Kazakhstan.]. Alma-Ata : AN KazSSR, 1963. T. 1. 685 s. (in Russian).

Inostrannaya voennaya interventsija i Grazhdanskaya vojna v Sredney Azii i Kazahstane. Dokumenty i materialy [Foreign military intervention and Civil war in Central Asia and Kazakhstan. Documents and materials]. Alma-Ata : Nauka, 1964. Tom 2. 724 s. (in Russian).

Ishakov S. *Rossiyskie musulmane i revoljutsiya (vesna 1917 — leto 1918 g.)*. [Russian Muslims and revolution (spring 1917 — summer 1918)]. М. : Sotsial'no-politicheskaya MYSL, 2004. 634 s. (in Russian).

Lyisenko Yu. A. *Vopros o voinskoy povinnosti dlya kazahskogo naseleniya (70 gg. XIX — nachalo HH v.)* [The question of military service of the Kazakh population (70 years of the XIX — beginning of XX century)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University]. 2012. № 4/2. S. 186–194 (in Russian).

Lyisenko Yu. A., Anisimova I. V., Barmin V. A., Tarasova E. V., Bochkareva I. B. *Etnopoliticheskie protsessy v tsentralnoaziatskih okrainah Rossii v period revoljutsiy 1917 g.* [Ethno-political processes in the Central Asian outskirts of Russia during the revolutions of 1917]. Barnaul : Azbuka. 2017. 366 s. (in Russian).

Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitelstva za 1919 g. Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. [The collection of legalizations and orders of the government for 1919, the Management of the Affairs of the people's Commissars of the USSR]. Moscow, 1943. 702 s. (in Russian).

Shevyakov T.N. "Natsionalizatsiya" russkoy armii v 1917 g. ["Nationalization" of the Russian army in 1917]. Vtoryie peterburgskie voenno-istoricheskie chteniya molodyih uchenyih. [The second Petersburg military-historical readings of young scientists] Saint-Petersburg. 1998. Vis. 2. S. 34–41 (in Russian).

УДК 39

Ч.Д. Чотаева

Американский университет Центральной Азии, Бишкек (Кыргызская Республика)

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ ГОРОДА БИШКЕК: ЭТНИЧНОСТЬ И ЯЗЫК В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Статья изучает изменения в этнической композиции города Бишкек в досоветский, советский и постсоветский периоды, а также факторы, которые внесли свой вклад в формирование и развитие полиэтничного общества в городе. Другой целью статьи является анализ языковой ситуации в Бишкеке, изменения в языковой политике до и после получения независимости.

Различные факторы способствовали созданию полиэтничного общества в городе Бишкек. Колонизация, индустриализация, коллективизация, культурная революция, этнические депортации существенно изменили этническую ситуацию в городе в досоветский и советский периоды. Однако главными факторами этнических изменений после получения независимости стали эмиграция русских, украинцев, татар, немцев и других некоренных этнических групп и внутренняя миграция кыргызов из регионов и сельской местности в столицу. Язык — не только средство коммуникации, но и важный маркер этнической идентичности. В советское время русский язык был официальным языком Советского Союза и господствующим языком в Бишкеке. Он был языком межэтнической и внутриэтнической коммуникации в городе, однако после получения независимости языковая ситуация изменилась. Русский язык сохранил свои позиции в качестве языка высшего образования, науки и межэтнического общения.

Ключевые слова: мультикультурализм, этничность, этническая группа, этническое большинство, советский период, постсоветский период, перепись населения, социологическое исследование, этническая миграция.